

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Жан-Жак Руссо

Письмо о добродетели и счастье

Предисловие к публикации

Кига́й Анна Игоревна – магистрант факультета философии ГАУГН. 119049, Российская Федерация, г. Москва, Маро́новский переулок, д. 26; e-mail: akigay@mail.ru

Творческое наследие Руссо никогда не было обделено вниманием, в том числе отечественных исследователей. Поэтому было удивительным обнаружить одно из его философских писем непереведенным на русский язык. Особенно если учесть, насколько оно важно для понимания центральных понятий философии и этического учения Руссо в целом.

Нельзя сказать, что это письмо было совершенно неизвестно: существует довольно ранняя его публикация 1861 г. на французском языке. В сборнике «Неизданных писем и переписки Ж.-Ж. Руссо»¹ с него начинается коллекция из четырех писем под общим названием «О добродетели и счастье» (*Sur la Vertu et le Bonheur*). (Остальные три письма известны отечественному читателю как первое, второе и третье «Письма о морали» к Софи д'Удетто)². Они были изданы Жоржем Стрекайзен-Мульту (*Streckeisen-Moultou*), который проявлял не только научный, но и личный интерес к «забытым» текстам Руссо, ведь именно в его семейных архивах сохранились многие произведения философа. Прадед издателя, протестантский пастор Поль Мульту, известен любому читателю «Исповеди» – это любимейший друг Руссо, их связывала многолетняя переписка, и Руссо оказывал своему корреспонденту недюжинное доверие³. Именно Полю Мульту философ вверил рукопись «Исповеди», сейчас называемую «Женевской» и считающуюся основной. Поэтому не стоит удивляться, что правнук с таким вниманием собрал и опубликовал неизданные на тот момент тексты Руссо: это было, как он выражается в предисловии к книге, его долгом.

¹ *Rousseau J.-J. Lettres sur la Vertu et le Bonheur // Oeuvres et correspondance inédites de J.J. Rousseau / publiées par M.G. Streckeisen-Moultou. Paris, 1861. P. 133–141. URL: <http://archive.org/stream/oeuvresetcorres01mougoog#page/n157/mode/2up> (дата обращения: 15.05.2014).*

² Их можно найти в издании: *Руссо Ж.-Ж. Педагог. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1981.*

³ «Ожидая недалекого смертного часа, я огорчился лишь тем, что среди литераторов нет никого, кому бы я мог доверить на хранение свои бумаги, чтобы он разобрал их, когда меня не станет. Со времени поездки в Женеву я завязал дружбу с Мульту; я чувствовал симпатию к этому молодому человеку и хотел бы, чтоб он закрыл мне глаза. Я высказал ему это желание, и, думаю, он не отказался бы выполнить этот долг человеколюбия, если б его дела и семья позволили это. Лишенный и этого утешения, я хотел по крайней мере доказать ему свое доверие и послал ему «Исповедание веры савойского викария» до выхода сочинения в свет» (*Руссо Ж.-Ж. Исповедь // Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. М., 2011. С. 500–501.*)

Следующая известная публикация появилась много позже – в 41-м номере «Annales de la société Jean-Jacques Rousseau»⁴ в 1997 г., и в ней исследуемое письмо получило уже новое название: «Письмо о добродетели, личности и обществе» («Lettre sur lavertu, l'individu et la société»). Этой публикацией научное сообщество обязано, в первую очередь, швейцарскому филологу и историку литературы Жану Старобински, написавшему подробное предисловие к письму⁵. Именно в этом предисловии письмо получает от Старобински эпитет «забытое», в нем же дано изложение крайне короткой, как мы знаем, истории публикаций этого текста. Также Старобински приводит краткие рассуждения о предполагаемой дате написания письма и анализирует его проблематику. Новое название, которое Старобински дал письму, указывает на то, что он анализирует текст Руссо, в первую очередь, как важный этап социально-политического учения философа. Исследователь обнаруживает, что в письме Руссо начинает разрабатывать темы, которые затем получают свое развитие в его более известных произведениях – в романе о воспитании «Эмил» и трактате «Об общественном договоре». Идея долга человека перед обществом появляется и в других работах философа, но именно в письме, по мнению Старобински, принимает наиболее радикальную форму.

Мы знаем, что эпистолярный жанр подходил духу времени и не был чужд самому Руссо, но у данного письма есть некоторые важные особенности. Из содержания текста очевидно, что автору важно подчеркнуть отличие своего сочинения от разнообразных «диссертаций по метафизике». Можно предположить, что именно эту цель он преследовал, уже только выбирая форму изложения. Читая Руссо, мы часто замечаем, как он тонко настраивает доверительный и личный тон общения с читателем. Не будет непозволительным преувеличением сказать, что многие его произведения иногда напоминают личные письма. И в данном тексте автор будто бы продолжает какую-то светскую беседу. Однако адресат письма неизвестен, и скорее всего это фиктивная фигура; на такой вывод наталкивают некоторые словесные обороты, которые использует Руссо. Можно заметить, что личностный тон и постоянные обращения, используемые автором в начале, постепенно переходят в монологическое теоретическое рассуждение.

Итак, Руссо отвечает на предполагаемый вопрос о том, что есть добродетель, и начинает с обсуждения специфики такого знания. Оно таково, что никак невозможно получить его, кроме как услышав свое собственное сердце. Это пространная рекомендация требует разъяснений, и автор подсказывает, что призыв «услышать тайный голос, говорящий с каждым сердцем» неразрывно связан с тем, чтобы «быть добродетельным, чтобы понять, что это значит». Объяснение связи двух этих императивов этики Руссо дает важнейшие ключи к пониманию ее центральной идеи: область чувства/жизни сердца для Руссо – это область свободная от отчуждающего раздумывания и возможность совпасть с самим собой, что является единственной настоящей целью человека и необходимым условием счастливой жизни.

В этом письме Руссо мимоходом высказывает мысль о том, что воплощением нравственного идеала совпадения с самим собой является его известный протеже – естественный человек. Но не останавливается на оде «воображаемому» дикарю, а предлагает учесть самих себя как уже существующих «иным способом» и, соответственно, переосмыслить нравственный поиск. Таким образом, Руссо переходит к рассуждению о едином общественном теле, в котором каждый орган/человек не занимает подчиненное положение, а в некотором смысле тождественен всему целостному телу общества.

⁴ Rousseau J.-J. Lettres sur lavertu, l'individu et la société (un texte oublié) // Annales de la société Jean-Jacques Rousseau № 41 / Publié par J. Starobinski, C. Wirz. Genève, 1997. P. 313–328.

⁵ Краткую версию предисловия Старобински и сам текст письма на английском языке в переводе с французского Артура Голдхаммера (Goldhammer) можно найти в выпуске «The New York Review of Books» за май 2003 года.

Нельзя не заметить, что в данном письме крайне настойчиво и радикально Руссо высказывается об огромном долге человека перед обществом. Но не стоит забывать об исходной задаче, которую обозначал для себя автор – приблизиться к пониманию того, что есть добродетель, а «общественное состояние», хотя есть неотъемлемое условие современной жизни, но причастно к нашей предрасположенности к расхожим предрассудкам и заблуждениям в этом вопросе. Поэтому за ответом, по мнению Руссо, можно обратиться только к самому себе, к тайному голосу собственного сердца.

Письмо о добродетели и счастье

Вы более хотите меня смутить, чем обучиться чему-то, спрашивая, что есть добродетель? В двух словах я мог бы сказать, что ни от кого вы этого не узнаете, кроме как от самого себя, а сами никогда не будете знать ответа на этот вопрос, пока ваше сердце вам на него не ответит. Кроме того, зачем возвращаться к вопросу так часто и хорошо разрешенному? Откройте произведения Платона, Цицерона, Плутарха, Эпиктета или Антонина; обратитесь к добродетельному Шафтсбери и его достойному толкователю⁶. Сделайте еще лучше – изучайте саму жизнь, внимайте справедливым речам и размышляйте над Евангелием; или отложите все книги, обратитесь к самому себе, услышьте этот тайный голос, который разговаривает с каждым сердцем, и будьте добродетельным, чтобы узнать, что это значит. Не думайте, однако, что я отказываюсь от возвышенного дела, которым вы меня почтили. Ведь я знаю, что это случай, когда необходимо взяться за большее, чем возможно исполнить, следовать своему долгу, не соизмеряя сил; и я знаю, что по любому важному для общества вопросу никто не сможет отказаться высказать свои чувства тотчас же, когда об этом попросят. Не думайте, что я себя принуждаю к этому занятию и ожидаю оглушительного успеха от своих хлопот: я нахожу больше любопытства, чем ученического рвения в вашем стремлении меня расспрашивать, и я чувствую больше этого рвения, чем просвещенности в усердии, с которым я отвечаю вам. Но то, что я не могу сделать для вас, я попытаюсь сделать для себя самого. Было ли когда-нибудь изучение добродетели бесплодно? Нет, ее божественное влияние не подвластно пониманию, она согревает, до того как осветит путь к себе, мы проникаемся к ней любовью, как только находим, чувствуем до того, как узнаем; мой разум не раз заблуждался, следуя за ней, но я легко мог утешить себя за ошибки, которые делали меня лучше.

Не надейтесь найти здесь диссертаций по метафизике или словесной мишуры, ожидаемой наверняка многими читателями, при этом не делающей человека ни умнее, ни лучше, а только высокомернее. Эта привязанность к доктринизации не подошла бы ни автору, ни произведению на данную тему, ведь это вопрос чувства, а не сметливости, и самые простые люди обычно чувствительнее самых ученых. Природа одарила нас чувствами, а не знаниями, и нельзя справедливым образом потребовать отчета в том, чего мы никогда не получали; у нас было бы слишком много поводов для жалоб, если бы ученость была так необходима для того, чтобы знать добродетель.

Мой метод будет проще и надежнее. Исследуя свои природные склонности, я смею считать их правильно устроенными и рассчитываю найти в своих устремлениях образ добродетельного человека, и вряд ли смогу описать его лучше, чем сказав, каким я мечтал бы быть.

Я бы хотел иметь душу сильную, чтобы суметь всегда поступить по справедливости, и чувствительную, чтобы любить все прекрасное. Но что есть красота, чувствительность и справедливость? И что значит «сильная душа»? В самых возвышенных вопросах философия затрудняется объяснять, и тем, кто ищет истину, объясняет гораздо меньше, чем тем, кто желает учености.

⁶ Руссо имеет в виду Дени Дидро, который перевел на французский язык «Опыт о достоинстве и добродетели» Шафтсбери. – (примеч. пер.).

Поэтому давайте удовольствуемся тем, что прислушаемся к природе: если она и не всегда поспособствует нашему обучению, то уж точно никогда не введет в заблуждение.

В первую очередь, мне кажется, что все, что во мне есть «морального», имеет отношение к чему-то вне меня, я бы не имел ни пороков ни добродетелей, если бы жил совсем один, и был бы хорош только той абсолютной добротой, присущей любой вещи, когда она такова, как должна быть. Я также чувствую, что потерял эту естественную доброту под воздействием множества искусственных связей, являющихся продуктом общества, они могли дать мне другие потребности, нужды, желания и средства для их удовлетворения, вредные для сохранения моей жизни и устройства личности, но соответствующие моим частным взглядам и неестественным страстям, которыми я себя наделил.

Отсюда следует, что стоит учитывать себя уже как существующего иным способом и подбирать, образно говоря, другой род доброты, подходящий этому новому способу существования. Теперь моя жизнь, моя безопасность, моя свобода и мое счастье зависят от участия моих ближних, и это значит, что впредь я должен себя рассматривать не в качестве изолированного индивидуального бытия, а как часть большого целого, как орган огромного тела, от сохранности которого целиком зависит и моя собственная, и которое не может быть устроено плохо, так чтобы я не почувствовал этот беспорядок. (Таким образом, природная одинаковость, общая слабость, взаимная нужда друг в друге и общество, которое это все сделало неизбежным, дают мне права и обязанности общие для всех людей.) Я зависим от своего отечества, по меньшей мере в некоторых нуждах; в свою очередь мое отечество подобным образом зависит от некоторых других стран, и все в большей или меньшей степени подчинено этой всеобщей зависимости. Вот истины, которые понимают до того, как доказать, и я бы уклонился от разъяснений, если бы рассчитывал больше на вашу добросовестность, чем на просвещенность.

Может вы меня спросите о человеке, который никогда не получал от общества каких-либо благ – должен ли он что-то? Но прошу вас учесть, что такое предположение никуда не годится, так как его основания невозможны – любой согласится, что совершенно невозможно, чтобы человек, родившийся, живущий и сохранивший жизнь в объятиях общества, мог ничего не получить от него. Напрасно он сошлется на бедность, несчастья и неудачи; государство ему ответит: «Возможно, для вас было бы лучше родиться посреди пустыни, но вы в моих объятиях, здесь вы жили и не выжили бы, если бы не мои заботы о вашей сохранности; стоило расстаться с жизнью, если она стала в тягость, или со страной, если законы показались вам слишком строгими; умрите или уезжайте, если не хотите более быть мне должны; но отдайте мне цену тридцати лет жизни, которой вы наслаждались с моей поддержкой, даже если вас больше не будет, вы должны мне то, чем вы были».

Не будем себя рассматривать как этих примитивных воображаемых людей, которые ни в ком не нуждаются, поскольку одна лишь природа уже позаботилась о них сполна. Природа, как уже было сказано, оставила все свои полномочия, как только их узурпировали мы. Общественный человек слишком слаб, чтобы обойтись без других, он нуждается во всем, начиная с момента рождения и до самой смерти, ни богатый, ни бедный не смог бы выжить, если бы ничего не получил от других.

Я не должен считать себя свободным от долга перед всеми по той причине, что мне оказывают услуги ради собственного удовольствия или пользы: это может быть правдой в частных случаях, но не для тела общества, которое учитывает всех своих членов, а значит, и меня и вас во всем, что делает для себя самого.

Итак, мы не как частные лица являемся по очереди должниками друг друга, но как члены общества обязаны ему всем. Впрочем, цена, которую мы платим за получаемую помощь, сама является даром общества. Человек – может ли он что-то иметь без участия и согласия других? Без этого молчаливого договора, заключенного нами, не было бы ни прибыли, ни собственности, ни настоящего производства. В естественном состоянии нет ничего, кроме необходимого, а все излишнее есть не результат работы отдельных лиц, а продукт общего производства, которое сотней рук, действующих сообща, делает больше, чем сто человек сделали бы по отдельности.

Вы мне скажете, я это предвижу, о нарушениях порядка общественного состояния, в которых общественное благо служит предлогом для стольких зол, но мы должны отличить гражданский порядок от его злоупотреблений; из того, что никто не отдает обществу то, что должен, нельзя сделать вывод, что мы не должны ему ничего; не стоит винить общество, не делая ничего из того, что оно приказывает; мы сами делаем себя несчастными, оскорбляя его. Более того, под властью мнения, какие меры предосторожности должны мы предпринять, чтобы отличить кажущееся от реальности! Сколько несчастий нам кажутся непереносимыми, не являясь таковыми сами по себе; сколько людей жалуются на свою судьбу, которая могла бы быть более счастливой и без перемен в благосостоянии, им скорее стоит жаловаться на собственный разум, а не упрекать неблагосклонную фортуна. Богач из таких считал бы себя разоренным, обладая только необходимым, и умирающим от голода, если бы ему пришлось отгонять паразита⁷. Доказательством того, что большинство несчастий иллюзорны, является тот факт, что обстоятельства, ввергающие кого-то в отчаяние, осчастливили бы сотни других людей. Мы оцениваем свое благосостояние, не исходя из собственных потребностей и не сравнивая себя с другими, а вспоминая, каким оно было раньше, или думая, каким мы хотели бы его видеть, честолюбие всегда пренебрегает уже достигнутым и высоко оценивает то, что от него ускользнуло.

Но преимущество, бесконечно превосходящее любые материальные блага, которыми мы несомненно поддерживаем гармонию существования человеческого рода – в том, чтобы достигать соединением идей и прогрессом разума интеллектуальных областей, постигать возвышенные понятия – порядка, мудрости и добродетельности (*bonté morale*), вскармливать чувства плодами знаний, возвышаться величию души над слабостями природы, приравняться в некоторых отношениях искусством рассуждения к небесному разуму; в конце концов, в способности победить страсти, преодолеть⁸ в себе человека и уподобиться Богу.

⁷ Вероятно, имеются в виду зловердные кровососущие насекомые, досаждающие животным и человеку. – (примеч. пер.).

⁸ Здесь глагол «преодолеть» является переводом глагола «dominer», который скорее вне контекста бы означал «властвовать», «возвладствовать», «подавить» и т. д., но я в данном случае смысловой оттенок «преодоления» считаю уместным, т. к. в предложенном фрагменте устойчиво повторяется мотив своеобразного «возвышения», «достижения». – (примеч. пер.).

Таким образом, этот постоянный обмен связями, заботами, взаимовыручкой и наставлениями нас поддерживает, когда мы больше не можем поддержать себя сами, нас просвещают, когда мы нуждаемся в этом, и дарят бесценные блага, благодаря чему мы способны презирать все, чего лишились. Вот настоящее возмещение для утешения честного человека во власти горя от потери естественных благ и от злоупотреблений общества. Древнее могущество его членов проявляется в его способностях, его разум восстает над останками слабого тела; если возникают препятствия его свободе, его сердце обретает новую силу; оно повинуетя голосу сильнейшего, но удерживает под контролем его страсти, в то время как оно угнетено на этом свете, его чистая душа устремляется в небесные чертоги и наслаждается наградой его добродетели. Это Геракл, который чувствует себя одновременно горящим на костре и становящимся Богом.

Таким образом, благо и зло истекают из одного источника, но не всем выпадают в равной мере. Мудрец, терзаемый злодеями, все равно чувствует, что был бы лишь зверем, если бы ничего не получил от других, и так мало несчастий, которые могли бы поколебать в мужественном человеке его душевные дары и надежду на будущие блага.

Хотим ли мы теперь продолжать поиски источника счастья в этом мире? Вернемся к себе и спросим снова собственное сердце. Каждый почувствует, что его счастье не в нем самом, а зависит от всего, что его окружает. Роскошь, закабалившая природу, честолюбие, которое хочет сковать вселенную, сладострастие, превращающееся в ничто в уединении, тщеславие, ищущее глаз, доброта, желающая всеобщего счастья; все, что нас заинтересует, имеет отношение к посторонним вещам; все наши желания недолговечны, счастье, которое нам приписывают, – единственное, которым мы наслаждаемся, скорее мы перестанем существовать, чем останемся не замечены. Одним словом, потребность любить, желание нравиться, дружба, уверенность или гордость, привычка к взаимной зависимости с другими людьми – все это стало настолько необходимым, что вряд ли найдется хоть один человек, который, будучи уверен, что любые его желания будут исполнены, но он никогда более не увидит никого себе подобного, не впадет в отчаяние.

Таковы неразрывные узы, связывающие всех нас и делающие зависимыми наше существование, безопасность, познания, удачу, счастье и вообще все блага и невзгоды от общественных отношений. Так что я считаю, что, становясь гражданином, я подписываюсь выплачивать огромный долг всему человеческому роду, что моя жизнь и все эти удобства, которыми я обладаю, должны быть посвящены службе ему. Более того, я вижу, что даже если я смогу, пойдя по головам, урвать для себя личное благосостояние и какие-то сомнительные удовольствия, то все равно уверенным в мирном состоянии и продолжительном счастье я могу быть только в правильно устроенном обществе; очевидно, что, если я требую уважения своих прав, но не отдаю его в ответ, то становлюсь общим врагом и не имею другой безопасности в несправедливом владении своими благами, кроме той, которой обладают разбойники, пожирающие в своих пещерах оставшееся от их несчастных жертв. Священный долг, признать который меня обязывает разум, есть не долг одного частного лица другому, а общий и общественный, как и право, которое мне его предписывает. Хотя людей,

которым я обязан жизнью и которые обеспечивали меня всем необходимым, взрастили мою душу и поделились своими талантами, уже может не быть на свете, но законы, которые защитили мое детство, еще живы. Добрым нравом, к которому я приобрел счастливую привычку, помощью, которую я получал в момент нужды, гражданской свободой, которой я распоряжался, всеми приобретенными благами и испробованными удовольствиями – всем этим я обязан всеобщему порядку, который направляет общественные интересы на достижение благополучия всех людей, который учел мои потребности еще до моего рождения и позаботится о моем прахе после смерти. Так что мои благодетели могут умереть, но до тех пор, пока вообще есть люди, я должен возвращать человечеству благоденствия, полученные от него.

Перевод с французского А.И. Кигай

Список литературы

Руссо Ж.-Ж. Исповедь // *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. М., 2011. С. 21–574.

Starobinski J., Goldhammer A. A Letter from Jean-Jacques Rousseau // *The New York Review of Books*. Vol. 50. № 8. May 2003. P. 31–32.

Rousseau J.-J. Lettresur la vertu, l'individu et la société (un texteoublié) // *Annales de la société Jean-Jacques Rousseau* № 41 / Publié par J. Starobinski, C. Wirz. Genève, 1997. P. 313–328.

Rousseau J.-J. Lettresur la Vertuet le Bonheur // *Oeuvres et correspondance inédites de J.J. Rousseau* / Publ. par M.G. Streckeisen-Moultou. Paris: Michel-Lévy frères, 1861. P. 133–141. [Electronic recourse] URL: <http://archive.org/stream/oeuvresetcorres01mougoog#page/n157/mode/2up>

Letter on the Virtue and Happiness

J.-J. Rousseau

Anna Kigay – Master's Degree Student, faculty of philosophy. GAUGN (State Academic University for Humanities). Maronovskylane, 26, Moscow, 119049, Russia; e-mail: akigay@mail.ru

References

Rousseau, J.-J. “Ispoved’” [Confessions], Rousseau, J.-J. *Ispoved’*. *Progulkiodinokogomechtatelya* [Confessions. Reveries of a Solitary Walker], Moscow.: AST: Astrel’ Publ. 2011, pp. 21–574.

Rousseau, J.-J. “Lettresur la vertu, l'individu et la société (un texteoublié)”, *Annales de la société Jean-Jacques Rousseau* no 41 / publié par Jean Starobinski & Charles Wirz; Genève: Droz, 1997, pp.313–328.

Rousseau, J.-J. “Lettresur la Vertu et le Bonheur”, *Oeuvres et correspondance inédites de J. J. Rousseau* / publiées par M. G. Streckeisen-Moultou. Paris: Michel-Lévy frères, 1861, pp. 133–141. URL: <http://archive.org/stream/oeuvresetcorres01mougoog#page/n157/mode/2up> (accessedon 15.05.2014).

Starobinski, J., Goldhammer, A. “A Letter from Jean-Jacques Rousseau”, *The New York Review of Books*”, vol. 50, № 8, May 2003, pp. 31–32.